

ОПРЕДЕЛЕНИЕ

КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

об отказе в принятии к рассмотрению запроса группы депутатов Государственной Думы о проверке конституционности Федерального закона «О ратификации Протокола о присоединении Российской Федерации к Марракешскому соглашению об учреждении Всемирной торговой организации от 15 апреля 1994 года»

город Санкт-Петербург

2 июля 2013 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д.Зорькина, судей К.В.Арановского, А.И.Бойцова, Н.С.Бондаря, Г.А.Гаджиева, Ю.М.Данилова, Л.М.Жарковой, Г.А.Жилина, С.М.Казанцева, С.Д.Князева, А.Н.Кокотова, Л.О.Красавчиковой, С.П.Маврина, Н.В.Мельникова, Ю.Д.Рудкина, Н.В.Селезнева, О.С.Хохряковой, В.Г.Ярославцева,

заслушав заключение судьи С.П.Маврина, проводившего на основании статьи 41 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» предварительное изучение запроса группы депутатов Государственной Думы,

у с т а н о в и л :

1. Группа депутатов Государственной Думы, обратившаяся в Конституционный Суд Российской Федерации в соответствии со статьей 125 (пункт «а» части 2) Конституции Российской Федерации, в своем запросе оспаривает конституционность Федерального закона от 21 июля 2012 года

№ 126-ФЗ «О ратификации Протокола о присоединении Российской Федерации к Марракешскому соглашению об учреждении Всемирной торговой организации от 15 апреля 1994 года» по порядку принятия.

Как утверждают заявители, при внесении проекта указанного Федерального закона в Государственную Думу и его рассмотрении были допущены существенные нарушения действующего законодательства и требований Регламента Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации (принят постановлением Государственной Думы от 22 января 1998 года № 2134-II ГД), которые заключаются, в частности, в следующем:

несоблюдение установленного порядка заверения копии официального текста представляемого на ратификацию международного договора – Протокола о присоединении Российской Федерации к Марракешскому соглашению об учреждении Всемирной торговой организации от 15 апреля 1994 года со всеми приложениями к нему, а также перевода этих документов на русский язык;

непредставление в Государственную Думу текста Марракешского соглашения со всеми приложениями к нему с официальным переводом этих документов на русский язык, а также текстов протоколов о присоединении к нему других государств, являющихся членами ВТО;

несоблюдение сроков представления документов, необходимых для ратификации Протокола;

отсутствие согласования законопроекта с субъектами Российской Федерации, несмотря на то что ратифицируемый Протокол, находящийся в неразрывной связи с Марракешским соглашением, затрагивает вопросы, отнесенные к совместному ведению Российской Федерации и ее субъектов.

Кроме того, заявители указывают на представление в Государственную Думу некорректного и недостоверного, по их мнению, финансово-экономического обоснования к законопроекту, а также на имеющиеся неточности переводов текстов ратифицируемого Протокола и Марракешского соглашения, представленных в рамках ратификационной

процедуры. В связи с этим они просят признать Федеральный закон «О ратификации Протокола о присоединении Российской Федерации к Марракешскому соглашению об учреждении Всемирной торговой организации от 15 апреля 1994 года» противоречащим статьям 68 (часть 1), 72 (часть 1), 94, 104 (части 1 и 2) и 105 (часть 1) Конституции Российской Федерации.

2. Конституция Российской Федерации, вводя в правовую систему Российской Федерации международные договоры Российской Федерации и определяя в статье 15 (часть 4) основанный на принципе добросовестного выполнения международных обязательств (*pacta sunt servanda*) единый подход, которым необходимо руководствоваться, применяя правила международного договора Российской Федерации в случае их расхождения с правилами, предусмотренными национальным законом, не устанавливает непосредственно порядок и условия заключения, выполнения и прекращения международных договоров Российской Федерации, – она возлагает решение этих вопросов на федерального законодателя (статья 71, пункт «к»; статья 76, часть 1), который, как указано в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 27 марта 2012 года № 8-П, при осуществлении соответствующего правового регулирования обладает значительной дискрецией и вместе с тем обязан следовать требованиям Конституции Российской Федерации, вытекающим, в частности, из содержащих прямые упоминания о международных договорах Российской Федерации ее статей 15 (часть 4), 46 (часть 3), 62, 63 (часть 2), 79, 86 (пункты «б», «в»), 106 (пункт «г») и 125 (пункт «г» части 2, часть 6).

Кроме того, федеральный законодатель связан международными обязательствами Российской Федерации, в том числе вытекающими из Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 года, участником которой является Российская Федерация. С учетом этих обязательств в Федеральном законе от 15 июля 1995 года № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» закреплено, что международные договоры Российской Федерации заключаются,

выполняются и прекращаются в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права, положениями самого договора, Конституцией Российской Федерации, данным Федеральным законом (пункт 1 статьи 1); решения о согласии на обязательность для Российской Федерации международных договоров принимаются органами государственной власти Российской Федерации или уполномоченными организациями в соответствии с их компетенцией, установленной Конституцией Российской Федерации, данным Федеральным законом, иными актами законодательства, и могут выражаться путем подписания договора, обмена документами, образующими договор, ратификации договора, утверждения договора, принятия договора, присоединения к договору, а также путем применения любого другого способа выражения согласия, о котором условились договаривающиеся стороны (статья 6); ратификация международных договоров Российской Федерации осуществляется в форме федерального закона (статья 14); принятые Государственной Думой федеральные законы о ратификации международных договоров Российской Федерации подлежат обязательному рассмотрению в Совете Федерации; принятый Федеральным Собранием Российской Федерации федеральный закон о ратификации международного договора Российской Федерации направляется Президенту Российской Федерации для подписания и обнародования (статья 17).

Федеральный закон о ратификации международного договора, таким образом, представляет собой правовой акт, принятый уполномоченным на то органом государственной (законодательной) власти – Федеральным Собранием в соответствии с установленной Конституцией Российской Федерации компетенцией (статья 71, пункт «к»; статья 76, часть 1; статья 94; статья 105, часть 1; статья 106, пункт «г»)) и выражающий решение о согласии Российской Федерации на обязательность для нее данного международного договора.

2.1. При разрешении Конституционным Судом Российской Федерации вопроса о конституционности федерального закона о ратификации

международного договора не может не затрагиваться и вопрос о конституционности самого международного договора, в частности уже вступившего в силу: конституционно-правовая оценка федерального закона о ратификации вступившего в силу международного договора, как правило, невозможна в отрыве от самого международного договора, проверка же конституционности такого федерального закона по порядку принятия также не может быть осуществлена без учета его прямой нормативной связи с соответствующим международным договором. Кроме того, оценка конституционности федерального закона о ратификации вступившего в силу международного договора предполагает и решение вопроса о действительности выраженного посредством данного федерального закона согласия Российской Федерации на обязательность для нее соответствующего международного договора.

Между тем, как подчеркивается в Венской конвенции о праве международных договоров, действительность договора или согласия государства на обязательность для него договора может оспариваться только на основе применения данной Конвенции (пункт 1 статьи 42), при этом государство не вправе ссылаться на то обстоятельство, что его согласие на обязательность для него договора было выражено в нарушение того или иного положения его внутреннего права, касающегося компетенции заключать договоры, как на основание недействительности его согласия, если только данное нарушение не было явным (т.е. объективно очевидным для любого государства, действующего в этом вопросе добросовестно и в соответствии с обычной практикой) и не касалось нормы его внутреннего права особо важного значения (статья 46).

Из приведенных положений Конвенции вытекает, что в целях обеспечения стабильности международных договоров и исполнения принятых на их основании обязательств оспаривание действительности согласия государства на обязательность для него вступившего в силу международного договора в связи с нарушением норм внутреннего права возможно только в исключительных случаях и лишь при условии, что явно

нарушены особо важные, в том числе конституционные, нормы о компетенции в сфере заключения международных договоров, причем такое оспаривание допустимо только в рамках предусмотренных данной Конвенцией процедур.

Следовательно, проверка Конституционным Судом Российской Федерации конституционности федерального закона о ратификации международного договора, в том числе по порядку принятия, по общему правилу, может быть осуществлена лишь до момента вступления данного международного договора в силу (который обычно не совпадает с моментом завершения процесса принятия соответствующего федерального закона о ратификации международного договора); иное не только противоречило бы общепризнанному принципу международного права *pacta sunt servanda* и ставило под сомнение соблюдение Российской Федерацией добровольно принятых на себя международных обязательств, в том числе вытекающих из Венской конвенции о праве международных договоров, но и противоречило бы статье 125 (пункт «г» части 2) Конституции Российской Федерации и конкретизирующим ее положениям подпункта «г» пункта 1 части первой статьи 3 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», в соответствии с которыми Конституционный Суд Российской Федерации уполномочен разрешать дела о соответствии Конституции Российской Федерации лишь не вступивших в силу международных договоров Российской Федерации.

2.2. Оспариваемый заявителями Федеральный закон «О ратификации Протокола о присоединении Российской Федерации к Марракешскому соглашению об учреждении Всемирной торговой организации от 15 апреля 1994 года», представляющий собой решение о выражении согласия Российской Федерации на обязательность для нее названного Протокола, был принят Государственной Думой 10 июля 2012 года. При этом, как следует из стенограммы заседания Государственной Думы от 10 июля 2012 года (<http://transcript.duma.gov.ru/node/3677/>), за принятие данного Федерального закона высказались 238 депутатов из 447 принявших участие в голосовании,

что составляет 52,9 процента от общего числа депутатов Государственной Думы. Иными словами, этот Федеральный закон в соответствии с частью первой статьи 92 и частью первой статьи 196 Регламента Государственной Думы был принят простым большинством голосов от общего числа депутатов Государственной Думы, после чего он был одобрен Советом Федерации (18 июля 2012 года) и подписан Президентом Российской Федерации (21 июля 2012 года).

Согласно официальному сообщению Министерства иностранных дел Российской Федерации Правительство Российской Федерации официально уведомило Секретариат Всемирной торговой организации о завершении Россией всех внутригосударственных процедур, необходимых для вступления в данную организацию, 23 июля 2012 года, сам же Протокол о присоединении Российской Федерации к Марракешскому соглашению об учреждении Всемирной торговой организации от 15 апреля 1994 года вступил в силу 22 августа 2012 года, т.е. задолго до обращения заявителей в Конституционный Суд Российской Федерации.

Данные, которыми располагал Конституционный Суд Российской Федерации в ходе предварительного изучения данного запроса, не ставят под сомнение соблюдение соответствующими федеральными органами власти компетенционных норм при присоединении Российской Федерации к Марракешскому соглашению об учреждении Всемирной торговой организации от 15 апреля 1994 года и, следовательно, не свидетельствуют о необходимости проверки конституционности Федерального закона «О ратификации Протокола о присоединении Российской Федерации к Марракешскому соглашению об учреждении Всемирной торговой организации от 15 апреля 1994 года» по порядку принятия в ситуации, когда сам Протокол уже вступил в силу.

Таким образом, по смыслу статьи 125 (пункт «г» части 2) Конституции Российской Федерации, подпункта «г» пункта 1 части первой статьи 3, статей 85 и 86 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» и с учетом выраженных в настоящем Определении

правовых позиций, запрос группы депутатов Государственной Думы о проверке конституционности Федерального закона «О ратификации Протокола о присоединении Российской Федерации к Марракешскому соглашению об учреждении Всемирной торговой организации от 15 апреля 1994 года» не может быть принят к рассмотрению.

Исходя из изложенного и руководствуясь пунктом 1 части первой статьи 43 и частью первой статьи 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

о п р е д е л и л :

1. Отказать в принятии к рассмотрению запроса группы депутатов Государственной Думы, поскольку разрешение поставленного в нем вопроса Конституционному Суду Российской Федерации неподведомственно.

2. Определение Конституционного Суда Российской Федерации по данному запросу окончательно и обжалованию не подлежит.

Председатель
Конституционного Суда
Российской Федерации

В.Д.Зорькин

№ 1055-О